

AUXILIARY HISTORICAL DISCIPLINES

XXIII

XVIII INTERNATIONAL CONGRESS
OF BYZANTINE STUDIES
(Moscow, August 8–15, 1991)

LENINGRAD
«NAUKA» PUBLISHING HOUSE
LENINGRAD BRANCH
1991

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

XXIII

ХVIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ВИЗАНТИНИСТОВ
(Москва, 8—15 августа 1991)

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1991

В очередной том сборника включены статьи, посвященные вопросам источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Особенностью данного тома является то, что его проблематика связана исключительно с историей отечественного византиноведения. Сборник состоит из нескольких разделов, в одном из которых рассматривается история становления петербургской и петроградской школы византинистов; последующие разделы посвящены как общим проблемам византийского источниковедения, так и частным вопросам, связанным с изучением отдельных памятников письменности и искусства. В специальном разделе помещены статьи по истории русско-византийских культурных влияний и контактов. Заключают том статьи из научного наследия русских византинистов.

Редакционная коллегия:

М. П. ИРОШНИКОВ (зам. отв. редактора), *А. И. КОПАНЕВ*,
академик *Д. С. ЛИХАЧЕВ*, *И. П. МЕДВЕДЕВ*,
Е. К. ПИОТРОВСКАЯ (отв. секретарь), *М. Б. СВЕРДЛОВ*,
В. Г. ЧЕРНУХА, чл.-кор. АН СССР *В. А. ШИШКИН* (отв. редактор),
С. О. ШМИДТ, академик *В. Л. ЯНИН*.

А. Н. ЦАМУГАЛИ

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ

Русские ученые, специалисты по истории Византии, и в их числе те, чья научная деятельность была связана с Петербургом, внесли поистине неоценимый вклад в становление и развитие византиноведения как самостоятельной исторической дисциплины.¹ Настоящая статья, небольшая по объему, имеет скромную задачу — дать самый общий очерк возникновения и оформления петербургской школы византинистов, представители которой работали в Академии наук, Петербургском университете, Эрмитаже и других научных учреждениях. В историографической литературе отмечалось, что истоки возникновения византиноведения в России следует искать в стенах Академии наук в Петербурге, где в XVIII в. изучением разнообразных источников по истории России кропотливо занимались академики И. П. Коль, Г. З. Байер, Ф. И. Круг, А. Л. Шлецер. Уже эти историки сочли необходимым обращать особое внимание на сочинения византийских авторов как на важный источник по ранней истории России. С особой настойчивостью к всесторонним занятиям византиноведением призывал Шлецер. Он полагал, что история Византии как предмет исследований важна и сама по себе, и в особенности как средство для наиболее полного освещения истории России. По поручению Академии наук И. Г. Штриттер проделал огромную и на редкость кропотливую работу по выявлению сведений, которые содержались в сочинениях византийских писателей и касались народов, населявших в древности территорию России. Результатом его трудов стал четырехтомник «*Memoriae populorum, olim ad Danubium etc. . .*» (Petropoli, 1774—1779).² Для ученых тех лет и еще для нескольких поколений это издание было ценнейшим собранием византийских источников по истории России. Тем не менее все, что было сказано выше,

¹ О византиноведении в России см.: *Удальцова З. В.* Византиноведение // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 508—525; 1963. Т. 3. С. 514—535; *Курбатов Г. Л.* История Византии: Историография. Л., 1975.

² В. Светов выполнил перевод этого издания, который на русском языке вышел в свет под названием «История византийских историков, объясняющих русскую историю древних времен и переселение народов» (СПб., 1770—1776).

представляло собой еще лишь начальный этап в становлении византиноведения как самостоятельного направления в исторической науке. Ф. И. Успенский писал о византиноведении той поры: «За небольшими исключениями, оно имело прикладной характер и шло не всегда равномерно и систематично, насколько помогало разъяснению и обработке древней русской истории». По мнению Ф. И. Успенского, «как в XVIII, так и в первой половине XIX столетия нельзя указать ни последовательно продолжающейся настойчивости в достижении поставленной цели, ни правильной исторической эволюции в принятых раз направлениях».³

К середине XIX в. произошел существенный сдвиг в становлении византиноведения как научной дисциплины в рамках русской исторической науки. Он происходил на фоне оживленных споров в обществе вокруг проблем, связанных с историей Византии, с византийской общиной, соотношением Восточной и Западной церкви, византийским влиянием на русскую культуру. Важную роль в ходе этих споров сыграл П. Я. Чаадаев, опубликовавший в 1836 г. свои «Философические письма», а в 1837 г. — «Апологию сумасшедшего». Рассуждая о причинах, которые отлучили Россию от «всемирного воспитания человеческого рода», Чаадаев коснулся таких проблем, как отличие Восточной церкви от Западной, отношение к Византии и к ее наследию. В византийских традициях Чаадаев склонен был критиковать присущие им, по его мнению, консерватизм, церковность, апологию самодержавия. В этой связи он затрагивал также вопросы о роли религии в истории России и некоторые другие, вокруг которых оживленно вели споры славянофилы и западники.

С этими спорами перекликался интерес, проявлявшийся историками к истории Византии. Т. Н. Грановский, историк-медиевист и один из выдающихся представителей западнического лагеря, писал в 1850 г.: «Нужно ли говорить о важности византийской истории для нас, русских? Мы приняли от Царьграда. . . начатки образования. Восточная империя ввела молодую Русь в среду христианских народов. Но кроме этих отношений нас связывает с судьбой Византии уже то, что мы — славяне. Последнее обстоятельство не было, да и не могло быть по достоинству оценено иностранными учеными. . . На нас лежит некоторого рода обязанность оценить явление (т. е. византизм), которому мы так много обязаны».⁴ Вскоре аналогичные идеи были провозглашены в докладе, прочитанном академиком А. А. Куником на собрании в Академии наук в Петербурге в 1853 г.⁵ Доклад был озаглавлен: «Почему Византия остается загадкой во всемирной истории?».

А. А. Куник (1814—1899) окончил Берлинский университет в 1838 г. В 1839 г. он приехал в Москву, где попал под покровительство М. П. Погодина. Затем при покровительстве Ф. Аделунга и

³ Успенский Ф. И. Из истории византиноведения в России // *Алфавиты*. 1922. № 1. С. 115.

⁴ Грановский Т. Н. Собрание сочинений. 4-е изд. М., 1890. С. 378.

⁵ Учен. зап. имп. Академии наук по I и III отделениям. СПб., 1853. Т. II, вып. 3. С. 423—444.

Ф. И. Круга он переезжает в Петербург, в 1844 г. поступает на службу в Нумизматический кабинет, становится адъюнктом Академии наук, с 1850 г. — ее действительный член.⁶ Куник был директором Библиотеки Академии наук, где создал Славянский отдел. Занявшись германо-славянскими отношениями, он перешел к истории славян, русской истории, варяго-русским отношениям, занялся изучением иностранных средневековых источников. В числе работ, написанных Куником, были и труды по византиноведению. Он изучал византийскую хронологию IX—X вв. Наибольший интерес привлекли к себе его изыскания в области русско-византийской нумизматики.⁷ Но, что особенно важно, Куник не ограничивался исследованием конкретных вопросов, он широко ставил проблему изучения истории Византии в России. Выше уже упоминался его доклад «Почему Византия остается загадкой во всемирной истории?». В этом докладе, указывая на большое значение византиноведения как научной дисциплины, Куник писал, что «византийские занятия — мост, который ведет к занятиям древнегреческой и вместе с этим классической стариной». Но особое ударение Куник делал на том, что изучение истории Византии необходимо для специалистов по русской истории, которая, по его словам, чуть ли не в «большой своей половине есть, вообще говоря, отражение византийской». По мнению Куника, «самое многостороннее и сильное покровительство России византийским занятиям никакой стране не доставит столько приобретений, как самой России».⁸ Утверждая, что Византия являла собою «живоносное начало» в христианстве, Куник считал, что русским ученым легче, чем западноевропейским, удастся постигнуть историю византийской церкви, ее особенное историческое значение и судьбу. В области практических рекомендаций относительно подхода к истории Византии Куник предлагал начать с «лингвистического введения» в исследовании византийских литературных памятников и с серьезной критической переработки. Ф. И. Успенский не без оснований писал о принадлежности Куника к византинофильскому направлению и полагал, что его «мысли о больших заслугах, оказанных Византией средневековой Европе, и о крайней неблагодарности христианских народов к Византии, когда она изнемогала в борьбе с турками, эти мысли нуждаются в корректировке. . .».⁹ Вместе с тем призывы и настойчивые усилия Куника в практическом изучении византиноведения внесли

⁶ О научной деятельности А. А. Куника см.: *Лаппо-Данилевский А. С.* Арист Аристович Куник: Очерк его жизни и трудов. Пг., 1914. — Оттиск из «Известий имп. Академии наук» (1914. С. 1455—1479); *Васильевский В. Г.* А. А. Куник // *Византийский временник*. СПб., 1899. Т. 6. С. 619—636. — К некрологу приложен список трудов А. А. Куника по византиноведению. К сожалению, смерть помешала В. Г. Васильевскому дополнять некролог специальным очерком о трудах Куника по византиноведению.

⁷ *Куник А. А.* О русско-византийских монетах Ярослава I Владимировича с изображением св. Георгия Победоносца: Историко-нумизматическое исследование. СПб., 1860.

⁸ *Куник А. А.* Почему Византия остается загадкой во всемирной истории? С. 441.

⁹ *Успенский Ф. И.* Из истории византиноведения в России. С. 116.

свой вклад в тот серьезный сдвиг, который наметился в русском византиноведении во второй половине XIX в.

В 1850-е гг. с А. А. Куником стал сотрудничать Г. С. Дестунис (1818—1895). Он был сыном знатока греческого языка и литературы С. Ю. Дестуниса, родился в Петербурге, но детство вместе с отцом провел в Турции и Италии, где получил начальную филологическую подготовку. В Петербургском университете Г. С. Дестунис занимался классической филологией у Ф. Б. Грефе и историей античности у М. С. Куторги. Здесь у него проявился интерес не только к истории Греции, но и к истории Византии. При поддержке Куторги Дестунис добивался создания кафедры византийских древностей и литературы, с некоторыми перерывами в 1860-е гг. читал курс «Византийские древности». Курс этот содержал в основном сведения по византийской филологии и культуре. Это не был еще курс по истории Византии в широком смысле этого слова. Большой заслугой Дестуниса было также осуществленное им издание переводов, выполненных еще его отцом, им «поновленных», снабженных предисловиями и комментариями. Впоследствии В. Г. Васильевский называл Г. С. Дестуниса «патриархом» византийских занятий в Петербургском университете.¹⁰

Настойчивые усилия Куника, направленные на расширение занятий историей Византии, преподавательская и переводческая деятельность Дестуниса подготовили перелом в развитии петербургской школы византистов, за которым последовал настоящий расцвет византиноведения и в Петербурге, и в России, связанный прежде всего с именем В. Г. Васильевского.

В. Г. Васильевский (1838—1899) был моложе Куника, но его успешная научная и преподавательская деятельность способствовала тому, что он встал вровень со старшим коллегой. В историографической литературе не раз обсуждался вопрос о возможном влиянии Куника на Васильевского, сопоставлялась их роль в изучении византиноведения в России. Рассуждая о том, что повлияло на проявленный Васильевским интерес к византиноведению, С. А. Жебелев писал: «В то время, когда В. Г. Васильевский приступил к исследованию специальных вопросов византийской истории, он не имел предшественника ни за рубежом, ни у нас, за исключением, пожалуй, академика Куника, человека очень сведущего, однако скорее лингвиста и этнолога, чем историка».¹¹ Поставив рядом имена Куника и Васильевского, Жебелев, опубликовавший в 1939 г. статью, возвращался к вопросу, который был поставлен за 30 лет до него в некрологах, написанных после смерти Васильевского. Сравнивая Куника и Васильевского, Ф. И. Успенский писал, что в изучении византийской истории Кунику принадлежали «старшинство и авторитет», Василь-

¹⁰ О Г. С. Дестунисе см.: *Курбатов Г. Л.* Из истории возникновения отечественной школы византиноведения: (Г. С. Дестунис) // Палестинский сборник. Л., 1971. Вып. 23 (86). С. 179—191.

¹¹ *Жебелев С. А.* В. Г. Васильевский и изучение византийских древностей // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 217.

евскому — «боевая сила и влияние».¹² Соглашаясь с этим определением и также задавая себе вопрос о возможном влиянии Куника на Васильевского, С. Ф. Платонов приводил слова самого Васильевского, который «с обычной скромностью заявил однажды», что он «никогда не считал бы бесчестьем для себя быть и считаться учеником Куника».¹³ Вместе с тем у С. Ф. Платонова «не было сомнения, что от Куника мог исходить лишь первый толчок в сторону изучения Византии, лишь сама идея необходимости такого изучения; научное же движение в этой области руководилось не Куником, а именно Васильевским».¹⁴ В некрологе П. В. Безобразов буквально кровью сердца писал о В. Г. Васильевском: «Скончался наш первый византист, старший по возрасту, первый по таланту, по эрудиции, по значению в науке». По словам Безобразова, Васильевскому «нелегко давалось. . . земное поприще. . . только наступало время, когда, выслужив наконец пенсию, он мог бы, расставшись с некоторыми занятиями, предаться всецело любимой науке и завершить свои многолетние труды каким-нибудь новым обширным исследованием или по меньшей мере дополненным и исправленным изданием своих сочинений, разбросанных по журналам». Васильевский был истинным разночинцем. У нас много написано об участии разночинцев в революционном движении, но далеко не оценена их роль в развитии русской культуры и прежде всего науки. Васильевский, как и В. О. Ключевский, был сыном сельского священника. Он родился в Любимском уезде Ярославской губернии и первоначальное образование получил в Ярославской духовной семинарии. «Только выдающиеся способности и исключительное трудолюбие пролагают путь от скромной хаты к университетской кафедре и в Академию наук», — писал Безобразов.¹⁵ В 1856 г. Васильевский поступил в Главный педагогический институт, а по его закрытии перешел на последний курс историко-филологического факультета Петербургского университета. Здесь талантливый юноша обратил на себя внимание профессоров Н. М. Благовещенского, И. И. Срезневского и М. М. Стасюлевича. В 1862 г. он был послан за границу, где всесторонне и глубоко занимался изучением истории. Большое впечатление на Васильевского произвели лекции Т. Моммзена по истории Рима. Во многом повлиял на него и И. Дройзен. Помимо Берлина Васильевскому удалось побывать в Женеве и Иене.

Возвратившись в Россию, Васильевский сначала преподавал в Виленской гимназии. Но уже в эти годы он сочетает преподавание с научными изысканиями, занимается в Виленском архиве, пишет статьи

¹² Успенский Ф. И. В. Г. Васильевский: Некролог // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. № 6. С. 4. — Далее: ЖМНП.

¹³ Васильевский В. Г. Еще раз о мнимом славянстве гуннов: Ответ Д. И. Иловайскому // Там же. 1883. № 4. С. 391.

¹⁴ Платонов С. Ф. Василий Григорьевич Васильевский // Платонов С. Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1. Статьи по русской истории. 1883—1912. СПб., 1912. С. 192.

¹⁵ Безобразов П. В. В. Г. Васильевский // Византийский временник. СПб., 1899. Т. 6. С. 636.

по истории Литвы. Собираясь приняться за магистерскую диссертацию, посвященную истории античности, Васильевский одновременно размышляет о возможности заняться историей России, используя достижения новейшей историографии и рассматривая отечественную историю с общеевропейской точки зрения.

В 1866 г. Васильевский публикует рецензию на магистерскую диссертацию Ф. Ф. Соколова «Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии»,¹⁶ а в 1869 г. защищает магистерскую диссертацию «Политическая реформа и социальное движение в Древней Греции в период ее упадка» (СПб., 1869). Следует заметить, что социальными движениями в Греции в эпоху эллинизма историки ни в России, ни за границей до Васильевского не занимались. К тому же эта тема на фоне происходивших в России буржуазных реформ 1860-х—начала 1870-х гг. приобретала особый интерес, тем более что Васильевский сопоставлял аграрные движения в эпоху эллинизма с аграрными движениями в истории Рима и даже в истории нового времени.

С 1870 г. Васильевский начинает преподавать историю средних веков в Петербургском университете. Отдав 25 лет жизни этому делу, он в своих лекциях уделял большое внимание вопросам историографии и источниковедения, много места отводил социально-экономическим вопросам. Особый интерес он проявлял к возникновению социальных институтов. Так, в социальном строе средневековой Европы он усматривал синтез римских и германских институтов.

С начала своей научной деятельности Васильевский, по свидетельству С. Ф. Платонова, отличался, «во-первых, чрезвычайной широтой и живостью ученого интереса и, во-вторых, необыкновенной тонкостью и чуткостью критики». По мнению Платонова, Васильевский «был не только знатоком исторических фактов, но и мастером во многих сферах исторического творчества. Изучение текстов и их критика, восстановление фактов и определения хронологические, вопросы права и политики, социальные явления, психологические построения и всякие иные стороны исторического процесса — все находило свое место в исследованиях покойного историка и ко всему он относился с полной компетентностью и в то же время с осторожностью и сдержанностью настоящего ученого». Именно «разносторонняя ученость и широта умственного кругозора, — считал Платонов, — ставила В. Гр. Васильевского во главе целой ученой дисциплины — византиноведения».¹⁷

В историографической литературе ставился вопрос, что толкнуло Васильевского к занятиям византиноведением. Однако, как писал С. А. Жебелев, «о том, чем вызван интерес Васильевского к Византии, он в своих трудах не говорит».¹⁸ Лишь в отзыве Васильевского на докторскую диссертацию Ф. И. Успенского Жебелев нашел такие

¹⁶ Вестник Европы. 1866. № 2. С. 112—123.

¹⁷ Платонов С. Ф. Василий Григорьевич Васильевский. С. 191—192.

¹⁸ Жебелев С. А. В. Г. Васильевский и изучение византийских древностей. С. 217.

слова: «Задачи русской исторической науки во всех отношениях разнообразны и широки: она еще очень молода и почти начинает только касаться даже таких отделов, в которых ей следовало бы быть полной госпожой. Есть отделы, в которых она не должна и не может довольствоваться повторением чужого. К таким отделам принадлежит, конечно, и византийская история, так тесно связанная с русской и славянской».¹⁹

В начале 1870-х гг. Васильевский печатает несколько статей, связанных с такой актуальной для истории западноевропейского средневековья проблемой, как история первых крестовых походов. При этом он во многом по-новому освещал историю Византии. В статье «Византия и печенеги (1048—1094)»²⁰ обращалось внимание на то, что перешедшие Дунай печенеги оказали немалое влияние на историю Византии, отмечалась связь печенегов с турками-сельджуками, подчеркивалась степень их опасности для Византии. Васильевский доказывал, что затянувшаяся и безуспешная борьба с печенегами вынудила византийское правительство искать помощи на Западе. В свете изысканий Васильевского новое объяснение получало начало крестовых походов, по-новому рассматривались политическая ситуация накануне первого из них, внешняя политика Византии, взаимоотношения Византии с русскими князьями. Васильевским был затронут и ряд других вопросов, в частности история разделения церквей.

С историей второго крестового похода была связана статья Васильевского «Из истории Византии в XII веке».²¹ В ней рассматривались союз Восточной и Западной империй в 1148—1155 гг., его направленность против папы и сицилийских норманнов, южноитальянская война 1156—1157 гг., после которой этот союз распался, подчеркивалось значение далеко идущих последствий краха союза.

В конце 1870-х гг. Васильевский издает несколько работ, которые сразу же свидетельствуют о том, что в его научной деятельности византиноведение займет совершенно особое место. В 1878 г. издается «Законодательство иконоборцев», в 1879 г. — «О синодальном списке Эклоги императоров Льва и Константина и о двух списках Земледельческого закона», в 1880 г. — «Материалы для внутренней истории Византийского государства». Заглавие работ свидетельствовало об особом внимании Васильевского к историческим источникам. Действительно, тщательный анализ важнейших законодательных памятников Византии был выполнен в лучших традициях складывавшейся в это время петербургской исторической школы, уделявшей первостепенное внимание изучению исторических памятников. К числу выдающихся достижений этой школы можно отнести осуществленное Васильевским исследование Эклоги и Земледельческого закона. Кроме того, предметом пристального внимания Васильевского стали исторические памятники, связанные с аграрным законодатель-

¹⁹ Цит. по: *Безобразов П. В.* В. Г. Васильевский. С. 638.

²⁰ ЖМНП. 1872. № 11—12. С. 116—165, 242—332.

²¹ Славянский сборник. СПб., 1877. Т. 2. С. 210—290; 1876. Т. 3. С. 372—400.

ством императоров Македонской династии, таких как новеллы (законы) императоров X—начала XI в. Романа Лакапина, Константина Порфирородного, Романа II, Никифора Фоки и Василия II.

Важнейшей отличительной особенностью и большим достоинством названных работ Васильевского было то, что, всесторонне и глубоко исследовав исторические памятники (обратившись наряду с византийскими и к славянским источникам), Васильевский в своих изысканиях вышел далеко за пределы чисто источниковедческих интересов. Его работы на основе изученных им источников воссоздавали аграрную историю Византии. В них ставилась проблема феодального характера земельных отношений в Византии. В частности, Васильевский старался по-новому оценить такие византийские институты, как харистикия и прония. В системе проний он усматривал сходство с первоначальным феодальным учреждением. Васильевский устанавливал наличие в Византии в VIII—IX вв. свободной крестьянской общины. Распространение этой общины он связывал со славянской колонизацией Балканского полуострова. Нашла свое отражение в работах Васильевского и проблема соотношения между мелкой крестьянской собственностью и крупным землевладением. Последнее, по его мнению, поглощало первое, в результате чего к середине XI в. крупное землевладение поглотило крестьянскую собственность. Проследивая процесс постепенного поглощения крестьянской собственности, Васильевский расценивал аграрное законодательство императоров Македонской династии как направленное к ограничению крупного землевладения.

Большое внимание Васильевский уделял государственному устройству Византии, подчеркивая при этом важную роль императорской власти в жизни государства и общества. В статье «Материалы для внутренней истории Византии» он писал, что «вооруженные старыми государственными преданиями византийские императоры гораздо яснее и строже понимали свои обязанности в отношении ко всем подданным и прямо провозглашали, что власть монарха есть общее всем благо и что защита слабых и бедных против сильных и богатых есть ее первейший долг».²² Подобные оценки встречались в работах и других русских византистов. Их трудам было присуще и стремление к обоснованию союза государства и церкви, осуждение нарушений этого союза с той или другой стороны. Взгляд на церковь как на важный политический фактор сочетался у русских византистов второй половины XIX в. с тенденцией всячески подчеркивать роль православия и связанные с ним нравственные принципы в жизни государства и общества. Интерес, проявившийся в трудах Васильевского и его коллег, к императорской власти и церкви в Византии получал официальное одобрение и одновременно приобретал особое звучание на фоне повышенного внимания к этим же проблемам со стороны ряда философов и публицистов. Особенно много о проблемах «византизма» писал К. Н. Леонтьев. В его статьях, собранных в сборнике «Восток, Россия и славянство» (М., 1885. Т. 1;

²² ЖМНП. 1879. № 3. Отд. 2. С. 168.

1886. Т. 2), он трактовал «византизм» как совокупность твердой монархической власти, строгой церковности, сохранения крестьянской общины, жесткой иерархической системы в обществе. Он считал, что проведение этих принципов в жизнь будет способствовать превращению России в новый исторический центр христианского мира, союзу России с Востоком, проникновению ее влияния на Ближний Восток, наконец, спасению России как от буржуазного «омещанивания», так и от угрозы революции. Столицей нового христианского государства должен был стать, в представлении Леонтьева, Константинополь, причем русский Константинополь. Конечно, крайности в высказываниях Леонтьева не разделялись русскими византистами. Но в некоторых случаях в их работах было и нечто общее с его взглядами. Так, в трудах по истории Византии, что отмечалось, даже подчеркивалось в советской историографической литературе, высказывалось отрицательное отношение к народным движениям, к революционным методам преобразований.²³ Отрицая революцию как проявление насилия, Васильевский в статьях «Законодательство иконоборцев»²⁴ и «Материалы для внутренней истории Византийского государства»²⁵ всячески подчеркивал достоинства, с его точки зрения присущие социальным реформам, осуществленным византийскими императорами.

Большая историографическая заслуга Васильевского состояла в том, что он выступил против традиции, утверждавшей преобладание в Византии «азиатского влияния», убедительно обосновывал наличие неразрывной связи Византии с западноевропейским миром.

Труды Васильевского высоко подняли авторитет русского византиноведения в глазах зарубежных ученых. С. А. Жебелев писал: «Работы Васильевского сравнительно рано обратили на себя внимание за границей. Хотя все свои работы В. Г. Васильевский печатал исключительно по-русски и ни в одной из них не было приложено резюме на иностранных языках, иностранные византилисты, забыв, что *gossica non leguntur*, сочли нужным изучать труды Васильевского, а для этого должны были специально учиться русскому языку».²⁶ Ради того чтобы читать труды Васильевского в подлиннике, выдающийся немецкий византист К. Крумбахер выучил русский язык. Он же приехал в Петербург для того, чтобы лично познакомиться с Васильевским.

Важной чертой Васильевского как ученого было то, что он не замкнулся, подобно Кунику, в рамках одних кабинетных занятий, а был университетским профессором, щедро делившимся своими знаниями с научной молодежью. Среди петербургских историков многие считали себя учениками Васильевского. В их числе были не только

²³ См., например: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 2. С. 512.

²⁴ ЖМНП. 1878. № 3. Отд. 2. С. 258—309; № 11. Отд. 2. С. 95—129.

²⁵ Там же. 1879. № 3. Отд. 2. С. 160—232; № 4. Отд. 2. С. 386—438; 1880. № 7. Отд. 2. С. 98—170; № 8. Отд. 2. С. 355—440.

²⁶ Жебелев С. А. В. Г. Васильевский и изучение византийских древностей. С. 222.

византисты. Учеником Васильевского был И. М. Гревс.²⁷ Большое влияние оказал Васильевский и на С. Ф. Платонова.

К концу XIX в. круг ученых-византистов сильно расширился. Возникли новые центры византиноведения. Ими становятся Московский, Новороссийский в Одессе, Казанский, Юрьевский университеты. В них разворачивают преподавательскую и научную работу выдающиеся византисты. Вместе с тем Петербург по-прежнему сохраняет значение крупнейшего в России центра византиноведения. Велик и международный авторитет петербургских византистов. Большое значение для подъема византиноведения в России сыграли такие издания, как «Журнал министерства народного просвещения», первым редактором которого был В. Г. Васильевский, и «Византийский временник». Его создателем и первым редактором также был Васильевский. После смерти Васильевского «Византийский временник» редактировал В. Э. Регель, а затем Ф. И. Успенский.

Ф. И. Успенский (1874—1928), ученый широких интересов, занимавшийся историей Ближнего Востока и греко-славянского мира, был также и выдающимся византистом. «Успенский не менее чем Васильевский — громкое имя в истории византиноведения», — писал С. А. Жебелев.²⁸ Научная деятельность Успенского в течение многих лет протекала далеко от Петербурга. Долгое время он был профессором Новороссийского университета в Одессе, затем директором им же основанного Русского Археологического института в Константинополе. Тем не менее Успенский был тесно связан с петербургской школой византистов. Он учился в Петербургском университете. Когда Успенский был на четвертом курсе, началась преподавательская деятельность В. Г. Васильевского. Большое влияние на Успенского оказали также К. Н. Бестужев-Рюмин и В. И. Ламанский. В Петербурге был издан ряд работ Успенского; и в их числе «Очерки по истории византийской образованности» (1892 г.) и 1-й том «Истории византийской империи» (1913 г.). С 1914 г. Успенский жил и работал в Петрограде. Здесь он возглавил созданную по его инициативе Русско-византийскую комиссию при Академии наук.

Даже если взять только две названные выше работы Успенского, то можно сказать, что каждая из них была выдающимся событием в разработке истории Византии. В «Очерках по истории византийской образованности» Успенский не только воспроизводил богословские и философские споры, происходившие в IX, XI—XII, XIV вв. Сквозь призму этих споров он раскрывал богатство духовной жизни в Византии, подчеркивал ее высокий уровень, сравнимый со странами Западной Европы, ее постоянное движение и развитие.

²⁷ Гревс И. М. В. Г. Васильевский как учитель науки // ЖМНП. 1899. № 8. Отд. 4. С. 27—74. — См. отд. оттиск (СПб., 1899).

²⁸ Жебелев С. А. Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке // Вестник древней истории. 1938. № 4. С. 14; см. также: Горянов Б. Т. Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении // Византийский временник. М., 1947. Т. 1 (26). С. 29—108.

Успенский сделал очень много для изучения социально-экономических отношений в Византии. Вслед за В. Г. Васильевским он выступил против теории самобытного развития Византии. Всесторонне исследуя экономический и общественный строй Византии, широко пользуясь при этом сравнительно-историческим методом, он выявил аналогичные явления в экономике и социальных отношениях Византии и стран средневековой Западной Европы. Углубленно занимался Успенский и историей землевладения в Византии. Он уделил, в частности, большое внимание институту пронии, проследил его возникновение и дальнейшую эволюцию. В трудах Успенского впервые в русской историографии был исследован вопрос о возникновении и развитии византийского феодализма. При этом автор остановился и на проблемах, связанных с влиянием славян на развитие феодальных отношений в Византии. Вообще проблема взаимоотношения славян и Византии получила в трудах Успенского самое широкое освещение.

Следует подчеркнуть, что наряду с исследованиями, посвященными отдельным проблемам, Успенский первым в русской исторической науке попытался создать синтетический труд по истории Византии, свидетельством чему и была его трехтомная «История Византийской империи». Первый том «Истории Византийской империи» вышел в свет в Петербурге в 1913 г. Издание последующих томов надолго задержалось: 1-я часть 2-го тома была издана в 1927 г., а 3-й том — в 1948 г.²⁹

С. А. Жебелев в один ряд с В. Г. Васильевским и Ф. И. Успенским ставил и Н. П. Кондакова (1844—1925), называя его «третьим столпом нашего византиноведения». Н. П. Кондаков, подобно Васильевскому и Успенскому, был выходцем из разночинной среды. Его отец из бывших крепостных служил главноуправляющим именными князей Трубецких. Образование Кондаков получил в приходском училище и 2-й Московской гимназии, после чего поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где под руководством Ф. И. Буслаева занимался историей искусства и русской словесностью. После окончания Московского университета он преподавал русский язык и словесность в средних учебных заведениях, историю и археологию — в Школе ваияния и живописи. В 1866 г. Кондаков занял кафедру в Петербургском университете. Помимо этого он преподавал на Высших женских курсах и был хранителем Отделения средних веков и эпохи Возрождения в Эрмитаже. С 1870 по 1888 г. Кондаков вначале был доцентом, а затем профессором Новороссийского университета. Ученый разносторонних интересов, он много времени провел в археологических экспедициях, вел раскопки на территории Северной и Средней России, на Кавказе, в странах Западной Европы, на Балканах, в Турции, Константинополе, Италии, Греции. Во время своих путешествий он побывал на Синайском полуострове, в монастыре на Афонской горе, на островах Гре-

²⁹ Успенский Ф. И. История Византийской империи. СПб., 1913. Т. 1; Л., 1927. Т. 2, ч. 1; М.: Л., 1948. Т. 3.

ческого архипелага, в Сирии и Палестине. Результаты своих исследований он использовал в трудах, которые издавались не только на русском, но также на французском, немецком и английском языках. Докторская диссертация Кондакова «История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей» (Одесса, 1877 г.) была издана и на французском языке. В 1898 г. Кондаков избирается членом-корреспондентом Французской академии.

Учениками В. Г. Васильевского были А. А. Васильев (1867—1953) и Б. А. Панченко (1872—1920). А. А. Васильев, коренной петербуржец, окончил 1-ю Петербургскую гимназию, высшее образование получил на историко-филологическом и восточном факультетах Петербургского университета. На арабском отделении он занимался у В. Р. Розена. Классическую литературу Васильев изучал у П. В. Никитина, слушал лекции по русской истории С. Ф. Платонова. Под руководством В. Г. Васильевского Васильев сосредоточился на арабо-византийских отношениях. В 1897—1900 гг. он был за границей, занимался в Лондоне, Вене, Берлине, Париже, совершил поездки в Грецию и Турцию. После нескольких лет преподавательской деятельности в Юрьевском университете Васильев в 1912 г. вернулся в Петербург. Здесь он был профессором и деканом на Высших женских курсах, читал лекции в Петербургском университете, с 1917 г. стал профессором этого университета. Васильев, ученый необычайной эрудиции, был автором монографий «Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов во время аморийской династии» (СПб., 1900) и «Византия и арабы во время македонской династии» (СПб., 1902). Он подготовил также «Лекции по истории Византии». 1-й том этих «Лекций» вышел в 1917 г. в Петрограде и был убедительным свидетельством того, что Васильев продолжил начатое Ф. И. Успенским дело по созданию обобщающего труда по истории Византии.

Б. А. Панченко еще в бытность свою студентом у В. Г. Васильевского обратился к «Тайной дипломатии» — «загадочному» труду Прокония Кесарийского. Эта работа Панченко, отличавшаяся оригинальным подходом к предмету исследования и мастерством источниковедческого анализа, служила свидетельством высокого уровня возникшей в Петербурге школы византинистов. В дальнейшем Панченко приобрел широкую известность, прежде всего благодаря его исследованию крестьянской собственности в Византии.³⁰ Как и Ф. И. Успенский, он длительное время работал в Русском Археологическом институте в Константинополе, сохраняя вместе с тем тесные связи с петербургскими византинистами.

Выдающимся византинистом, археографом, знатоком канонического права был В. Н. Бенешевич (1874—1938).³¹ Он получил всеобщее признание как авторитетнейший исследователь и издатель па-

³⁰ *Панченко Б. А.* Крестьянская собственность в Византии: Земледельческий закон и монастырские документы. София, 1903. — Извлечение из т. 9 «Известий Русского Археологического института» в Константинополе.

³¹ *Гранстрем Е. Э.* Владимир Николаевич Бенешевич: К 100-летию со дня рождения // Византийский временник. М., 1973. Т. 35. С. 235—243.

мятников византийского права. Бенешевич закончил Виленскую гимназию и юридический факультет Петербургского университета. После этого он имел возможность слушать лекции в Германии: в Лейпцигском, Берлинском и Гейдельбергском университетах. С 1905 г. Бенешевич преподавал в Петербургском университете, читал лекции в Военно-юридической академии и на Высших женских курсах. Его прогрессивные взгляды были причиной преследования со стороны царских властей. Магистерская и докторская диссертации Бенешевича были посвящены изучению двух основных юридических сборников VI в. (Канонический сборник XIV титулов со второй половины VII в. до 883 г.: К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб., 1906; Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. СПб., 1914). В этих трудах, ставших фактически классикой в изучении канонического права, Бенешевич не только объяснил происхождение и состав древнейших источников римско-византийского права, получивших каноническое значение в церкви, но и взялся за решение вопроса, каким путем и когда в церковную практику стало вливаться светское законодательство как элемент, равносильный канонам. Исследуя юридические памятники, историю права и литературы в греко-римскую эпоху, Бенешевич собрал огромный рукописный материал. Он изучил рукописные собрания не только в Петербурге и Москве, но также в библиотеках Западной Европы, побывал на Афоне и Синае, в Египте, Греции, Малой Азии и Палестине. Характеризуя В. Н. Бенешевича как ученого, Ф. И. Успенский, В. П. Бузескул и Н. Я. Марр писали в «Записке» о его ученых трудах: «Вчитываясь и вдумываясь в содержание обширных трудов Бенешевича, нельзя не приходиться в изумление перед разнообразием и богатством средств, приложенных автором для преодоления трудностей. Не только каждая из глав его труда, но и отдельные параграфы, а иногда и примечания в этих главах могли бы быть и со временем будут развиты в самостоятельные монографии, для которых им и материал, и основные мысли уже проработаны и подготовлены».³² Бенешевич занимался не только историко-юридическими памятниками и историей права, он изучал русско-византийские литературные связи, армянские и грузинские источники, был составителем библиографических справочников.

Внимательное отношение к источникам было отличительной чертой ученых-византинистов. В их числе был и Н. А. Скабаланович (1848—1918). Он окончил Петербургскую духовную академию и там же стал преподавать, заняв кафедру общей гражданской истории. На первый взгляд он был историком церкви, каковым его часто и называют в историографических работах. Однако круг его интересов и занятий был значительно шире. В своих трудах, прежде всего в книге «Византийское государство и церковь в XI в., от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина» (СПб., 1884), Скабаланович вышел за рамки истории церкви и ее взаимоотношений с государством. Он также подробно исследовал систему гражданской

³² Цит. по: там же. С. 237.

администрации, устройство финансов и суда, других институтов в Византийской империи. Среди теоретических рассуждений Скабаланович с особой настойчивостью выдвигал идею о союзе государства и церкви, в котором он видел залог процветания Византии.

Вообще внимание к источниковедению, к вспомогательным историческим дисциплинам было характерно как для византистов, так и вообще для историков петербургской школы. Византийскую нумизматику успешно изучал И. И. Толстой (1858—1916),³³ византийскую эпиграфику — В. В. Латышев (1855—1921).³⁴ В дореволюционные годы начал свои занятия византийской сфрагистикой Н. П. Лихачев (1862—1936).³⁵

Ряд петербургских историков, основной специальностью которых была история Древнего мира, Древнего Востока и другие темы, так или иначе связанные с византиноведением, изучали историю Византии, ее искусство, источники по византийской истории. К их числу принадлежал выдающийся востоковед и блестящий знаток арабистики В. Р. Розен (1849—1908), чей труд «Император Василий Болгаробойца. Извлечение из летописи Яхьи Антиохийского» (СПб., 1883) был важным событием в изучении истории Византии. Эллинист Д. В. Айвалов (1862—1939) издал труд «Эллинистические основы византийского искусства» (СПб., 1900), во многом по-новому освещавший историю искусства Византии. К византиноведческим проблемам обращались античники М. И. Ростовцев (1870—1952) и С. А. Жебелев (1867—1941). Большое внимание византийскому литературоведению уделил В. М. Истрин, автор трудов в области переводной древнерусской литературы. Агиографические тексты издавал А. И. Папандопуло-Керамевс (1856—1912), преподававший в Петербургском университете новогреческий язык. Изданием византийских литературных памятников и исследованиями в области византийской литературы занимались П. В. Никитин (1849—1916) и А. П. Дьяконов.

В том, что русское византиноведение достигло крупных успехов, превратилось в самостоятельное направление в исторической науке, получило всемирное признание, была несомненная заслуга ученых, составлявших петербургскую школу византистов и связанных с ней. Одной из особенностей историков, принадлежавших к этой школе, был высокий профессионализм, основанный на глубокой эрудиции, широком кругозоре и беззаветной преданности науке.

Именно эти лучшие традиции петербургской школы были унаследованы советской школой византиноведения, в которой достойное место заняли ленинградские византилисты. Послереволюционные годы стали серьезным испытанием для представителей петербургской школы. Изучение истории Византии на какое-то время оказалось на

³³ Толстой И. И. Византийские монеты. СПб., 1912. Т. 1; 1914. Т. 2; Собрание византийских и русских монет графа И. И. Толстого // Русский исторический журнал. 1917. № 3—4. С. 204.

³⁴ Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.

³⁵ Уже после революции были изданы: Лихачев Н. П. 1) Датированные византийские печати // Изв. РАИМК. Л. 1924. Т. 3. С. 152—224; 2) Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928—1930. Вып. 1—2.

периферии исторической науки. Некоторые византилисты эмигрировали. Н. П. Кондаков в 1920 г. уехал в Болгарию, откуда он переехал в Прагу. А. А. Васильев преподавал в Петроградском университете, работал в Российской Академии истории материальной культуры. Но в 1925 г. и он уехал в США, где со временем стал основателем американской школы византистов. Остававшиеся на родине византилисты, преодолевая возникавшие на их пути трудности, продолжали самоотверженно работать и хранили былые традиции. Ф. И. Успенский с первых дней существования Советской власти и до последних дней жизни (он умер в 1928 г.) принимал «все меры к восстановлению и оживлению византологической деятельности, с непреклонной волей проводя, как он говорил, работу „воссобираания рассыпавшейся было хранины византологии“». ³⁶ Многие успели сделать и В. Н. Бенешевич. Подвижничеством можно назвать его научную деятельность, прерывавшуюся ссылками и арестами, последний из которых привел к трагической гибели В. Н. Бенешевича в январе 1938 г. ³⁷

В наследство ленинградской школе византилисты старших поколений оставили не только свои труды, но, что особенно важно, и своих учеников и последователей. Среди них были А. В. Банк и Е. Э. Гранстрем, ученицы В. Н. Бенешевича, Е. Э. Лишиц (на защите ее диссертации в 1936 г. официальным оппонентом выступал В. Н. Бенешевич, это была первая после 1917 г. защита диссертации по византиноведению в Ленинграде), Е. Ч. Скржинская, ученица И. М. Гревса, занимавшаяся и у А. А. Васильева, и Н. В. Пигулевская, продолжившая традиции востоковедов, изучавших проблему «Византия и Восток». Становлению ленинградской школы византистов способствовала и деятельность ученых, ранее не связанных с петербургскими центрами византиноведения. Многие сделали в этом направлении М. В. Левченко, возглавивший в 1939 г. группу византиноведов в Ленинградском отделении Института истории АН СССР, Б. Т. Горянов, чья научная деятельность была связана как с Москвой, так и с Ленинградом. Возрождению и успехам византиноведения в Ленинграде помогли античник С. А. Жебелев и востоковед В. В. Струве. Историк и археограф С. Н. Валк, став ответственным редактором «Вспомогательных исторических дисциплин», неизменно стремился к публикации на страницах этого издания исследований по византистике.

Постоянное развитие науки неизбежно вело к тому, что многие конкретные положения и оценки, содержащиеся в трудах историков петербургской школы, были пересмотрены и уточнены. Но заложенная ими традиция бескорыстного служения науке и высочайшего профессионализма жива, и ее сохраняют новые поколения советских, в том числе ленинградских, ученых.

³⁶ Горянов Б. Т. Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении. С. 97.

³⁷ Шапов Я. Н. Из истории советской исторической науки: (профессор В. Н. Бенешевич в репрессивной системе конца 1920-х—1930-х годов) // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII вв.: Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. М., 1990. Т. II. С. 306—309.